

ПРЕДИСЛОВИЕ

Редакционная коллегия представляет двадцатый первый выпуск межвузовского научного сборника «Политическая лингвистика».

Среди наших авторов профессора Ричард Андерсон (США), Отто Санта Ана (США), Лайонел Ви (Сингапур), Анна Зых и Петр Червинский (Польша), Л. Е. Бессонова (Украина), специалисты из различных городов России (Москва, Екатеринбург, Нижний Тагил, Стерлитамак, Челябинск).

В первом разделе традиционно представлены исследования по политической коммуникации. Здесь рассматриваются методология политической лингвистики, общие закономерности метафорического представления власти в различных языках, а также проблемы политической коммуникации в России (СССР), Соединенных Штатах, Восточной Азии, Украине и иных регионах мира, отражение политической ситуации в художественном тексте. Большинство авторов обращается к проблемам современного политического языка, но Анна Симон и Юрий Костылев рассматривают советские политические номинации первой половины прошлого века и периода «Перестройки» Советского Союза накануне его распада.

Во втором разделе сконцентрированы статьи, в которых исследуются проблемы взаимодействия языка, культуры и социума, а также имеющие важное социальное значение вопросы межкультурной коммуникации и закономерности отражения в языке национального сознания. Общим проблемам использования метафоры в педагогическом дискурсе посвящен обзор Э.В.Будаева А.П.Чудинова, тогда как профессор Калифорнийского университета О. Сангта Анна рассматривает педагогическую коммуникацию в США. Все эти проблемы, разумеется, связаны с политикой, но уже не настолько непосредственно, как публикации, включенные в первый раздел.

Третий раздел, как и в предыдущем выпуске, называется «Классика политической лингвистики (новые переводы)»: здесь представлены две главы из знаменитой американской монографии «Язык политики. Исследования по квантитативной семантике», которая вышла в 1949 году под редакцией Гарольда Лассвелла и Натана Лейтеса, давно уже признана открывающей новый этап в развитии науки, но по разным причинам до сих пор не переведенной на русский язык. Одна из этих глав посвящена контент-анализу первомайских лозунгов в Советском Союзе, а вторая – способам представления изменений политического курса в выступлениях лидеров Третьего интернационала.

Редакционная коллегия приглашает к сотрудничеству всех специалистов по политиче-

ской лингвистике и смежным проблемам. Ежегодно мы ждем от потенциальных авторов статьи объемом от 6 до 30 страниц (формат А5, десятый кегль, до 40 строк на странице) до 1 февраля, 1 июня и 1 ноября. Единственное ограничение – статьи должны соответствовать проблематике сборника.

Мы не платим гонораров, но и не берем с авторов деньги за подготовку статьи к публикации и тиражирование сборника. Срок выпуска каждого сборника – не более двух месяцев. Сборник своевременно рассылается всем отечественным и зарубежным авторам.

С содержанием предшествующих выпусков данного сборника можно познакомиться на сайте cognitiv.narod.ru На этом же сайте размещены другие публикации по проблемам политической лингвистики, преимущественно подготовленные в рамках Уральского школы политической лингвистики.

Контакты. Почтовый адрес: 620017, Екатеринбург, пр. Космонавтов д. 26, к. 285, Уральский государственный педагогический университет, кафедра риторики и межкультурной коммуникации.

Телефоны (343) 2357612 (кафедра); (343) 3361592 (проректор по научной и инновационной деятельности). Факс (343) 3361592.

Электронная почта: ap_chudinov@mail.ru, shinkari@mail.ru

С уважением и надеждой на сотрудничество:

Эдуард Владимирович Будаев,
Мария Борисовна Ворошилова,
Александр Михайлович Стрельников
Наталья Борисовна Руженцева,
Анатолий Прокопьевич Чудинов

РАЗДЕЛ 1.

ЯЗЫК В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

Ричард Д. Андерсон

Лос-Анджелес, США

Перевод: Белов Е.С.

О КРОСС-КУЛЬТУРНОМ СХОДСТВЕ В МЕТАФОРИЧЕСКОМ ПРЕДСТАВЛЕНИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ

Abstract

The body supplies the basis for a wide variety of metaphors that humans use to communicate the meaning of political power. If a set of these metaphors drawn from widely scattered languages is subjected to close examination, they display a common feature. Their source domain is the bodily experience of seeing, which proceeds by distinguishing a figure against the ground composed of all other objects and then compiling the various figures into a composite that humans experience slightly later as a holistic visual image. In the case of each member of the set of metaphors to be examined, the original etymological form is a figure-ground metaphor in which the wielders of political power are represented by some kind of figure visible against a ground constituted by those denied political power. Terminology to be discussed is drawn from Russian, English, Chinese, Arabic, Javanese and Wolof.

Человеческое тело служит основой для многообразной метафорической концептуализации абстракций, в том числе политической власти. Расположение, восприятие, взаимодействие,

манипуляция и движение – это процессы, так или иначе, связанные с телом и в равной степени знакомые слушателям и говорящим. Это позволяет адресанту предположить, что цель ознакомления слушателя с незнакомыми ему абстракциями может быть достигнута посредством метафорического моделирования с использованием легко узнаваемых телесных образов. Исходя из подобия анатомии людей различных национальностей и схожести телесных переживаний, можно говорить о том, что разноязычные сообщества могли бы моделировать своё собственное метафорическое представление о политической власти, прибегая к одной сфере-источнику. Это предположение идёт вразрез с идеями, предложенными «Евразийством» в России и американцем Сэмюэлом П. Хантингтоном в его известном труде «Столкновение цивилизаций». В основу названных концепций положено представление о том, что нации различны в своих представлениях о политической власти и эти разногласия обуславливают контраст во внутреннем развитии и непрерывную борьбу культурных сообществ, называемых цивилизациями. Совершенно очевидно, что совпадение языковой формы при выражении одной и той же реалии в разных языках – редкое явление, имеющее место исключительно при общих корнях заимствования. Несмотря на то, что в английском и русском языках наблюдается значительное количество совпадений на лексическом уровне, особенно если учесть незначительные расхождения в произношении таких слов, как *брат* и *brother*, *нас* и *us*, или даже *отец* и *father*, эти совпадения не могут быть объяснены общими чертами носителей английского и русского языков. Они связаны с общностью лингвистического происхождения, периодическими заимствованиями из русского в английский и наоборот, и частым влиянием третьего языка, главным образом, греческого или французского. Таким образом, ни соответствия типа *democracy* – *демократия*, ни созданные с помощью калькирования *people power* – *народовластие* не релевантны по отношению к гипотезе. Что нас интересует, так это схожесть независимых метафор, необусловленная единым происхождением.

Парадоксальная особенность языка заключается в следующем. В то время как отдельное высказывание – это явление непродолжительное, постоянное его повторение фиксирует разнообразие черты любого естественного языка, остающиеся почти неизменными на протяжении сотен и даже тысяч лет. Как видно из примера *брат* – *brother*, говоря о братьях, адресаты повторяли идентичные или близкие по исполнению артикуляционные движения в течение пяти или шести тысячелетий, независимо от того, была ли их речь взаимопонятной [Strang 1970: 417]. Как следствие, современная политическая коммуникация любой страны характеризуется использованием метафор и символов, относящихся к далекому прошлому. На протяжении практически всего периода развития языка по-

литическая власть осуществлялась немногим числом правителей над множеством управляемых. Соответственно, современное метафорическое представление политической власти отражает базисную оппозицию *правители* – *управляемые*.

При тщательном рассмотрении метафор наиболее отстоящих друг от друга языков можно заметить общий признак. Сфера источник – телесный процесс зрительного восприятия, при котором субъект выделяет определённую фигуру на фоне и затем составляет (компилирует) общую картину, воспринимаемую позже как целостный зрительный образ [Pinker 1997: 211-87]. Аналогично, в исходной этимологии каждой из рассматриваемых метафор вершители политической власти представлены некоей фигурой, дифференцируемой на фоне лишённых привилегии власти. В данной статье используется терминология, отобранная из русского, английского, китайского, арабского, яванского языков и языка волоф. Нельзя исключать возможность взаимного влияния этих языков, поскольку контакт между ними, либо напрямую, либо посредством арабского или других неназванных здесь языков, носит очень продолжительный характер. С другой стороны, велика степень разброса выборки, и не все из данных языков принадлежат к одной типологической категории.

Политическая власть в русской метафоре. Любая форма политической власти может быть описана как субъект-объектные отношения между теми немногими, кому она дана, и тем большинством, на кого она направлена. Отличительная особенность русского языка состоит в том, что многие слова, используемые для наименования тех, кто осуществляет власть, не являются исконно восточнославянскими. Традиционные номинации *князь* и *король* были заимствованы из германского праязыка, *царь* и *император* – из латинского, *боярин* – предположительно, из турецкого [Chernykh 1993, I: 106, 210, 344-345, 431; 1993, II: 361-362]. Таким современным номинациям, как *секретарь*, *министр*, *президент*, *делутат* русский язык обязан французскому. Пересматривая титул о рангах, Пётр I заимствовал *шляхетство* из польского, а названия некоторых чинов из немецкого и шведского языков [Raeff 1993: 34-35]. Дореволюционные термины *государь*, *дворянин* и *знать* и более поздний *председатель* имеют Восточно-Славянское происхождение, но, по крайней мере, два последних из них, вероятно, образованы от французского с помощью калькирования. Существует мнение, что *дворянин* может быть производным от немецкого *hof* (*двор* (*королевский, княжеский*)). Изначально дворяне занимали низший ранг в правящем сословии. Только благодаря тому, что обладатель титула *царь* полагался на них в конфликтах с *боярами*, положение *дворян* повысилась [Chernykh 1993, I: 233-234]. Подобные процессы наблюдаются не только в русском языке. Английские номинации *noble*, *president*, *senator*, *member of parliament*, *representative*, *secretary* и *min-*

ister происходят от латинских слов посредством французского языка; *rule* восходит к латинскому, а *government* пришло из греческого через латинский язык.

Иностранное происхождение политической лексики имеет непосредственное отношение к более широкой версии нашего предположения. Заимствованные слова либо меняют своё графическое обозначение по воле случая, либо модифицируются согласно фонетическим законам принимающего языка. Несмотря на то, что *-оро-* в слове *король* указывает на восточнославянский вариант, следующий за ним палатализованный *л* нетипичен, по крайней мере в именах существительных; *-арь* в слове *царь* часто встречается в названиях современных русских профессий (хотя нужно редкое чувство юмора, чтобы отнести к одной категории слово *царь* и такие профессии, как *слесарь* или *токарь*), однако только в этом слове ему предшествует одна согласная, а не слоговый корень. На фоне таких исконных слов, как *народ* и *folk*, сама чужеродность политической терминологии, обозначающей объект политической власти, создает фонетически заметную фигуру, выделяющуюся на фоне фонетических особенностей исконных слов.

Номинация *соборность* может рассматриваться как метафора восточнославянского происхождения, созданная для концептуализации качества и характера политической жизни России. Остаётся спорным вопрос, насколько характерен данный признак российскому дискурсу. Созданное впервые в XIX веке землевладельцем-интеллигентом А. Хомяковым для обозначения качества, присущего Православному Христианству, данное понятие, без убедительных на то оснований, было распространено его младшим коллегой К. Аксаковым применительно к политической жизни, став естественным для традиционной России, но абсолютно неприемлемым во времена Петра I и его наследников [Wieczynskii 1976, I: 82-84; 1980, XVI: 171]. Возможно, последующее ограничение употребления этого понятия внутри узкого круга интеллигентов-дiletантов не позволило лексикографу XIX века Далю включить его в словарь русского языка в виде отдельной статьи. После распада Советского Союза часть современной российской интеллигенции вновь заговорила о *соборности* как об отличительной черте политики России в сравнении с демократией запада и присущим ей индивидуализмом. В книге В. Сергеева и Н. Бирюкова [Sergeyev, Biryukov 1993], уже в заглавии которой выражен контраст между демократией и «традиционной культурой» России, авторы утверждают, что несовместимость *соборности* с индивидуализмом обуславливает неполноценное функционирование таких выборных институтов власти, как парламент или президентство. Именно на этот аргумент ставила ставку зарождающаяся оппозиция, выступавшая под названием «патриотические силы», создавая добровольные объединения представителей различных взглядов и убеждений, с целью

формирования прочной коалиции и возрождения подлинной российской государственности [Prokhanov 1992; Ziuganov 2003].

Несмотря на запоздалый характер и узкий круг употребления *соборности*, данная абстракция суммировала в себе понятия, гораздо более конкретные и осязаемые. Основа *собор* является традиционно общей как для церковной, так и для политической сферы в России, где государство весьма неявно отделено от церкви, если вообще можно говорить о таком разделении. Об этой неразделенности свидетельствуют частые упоминания в хрониках о принудительных постригах в монахи тех, кто попал в немилость за политические убеждения или о заключении в монастыри их жён, сестёр, вдов; либо о государственных преследованиях инакомыслящих по религиозным мотивам. Посредством метонимии *соборами* стали называть знаменитые церковные здания. Приставка и отглагольная основа *собр-* образуют «агентив» *собираТЕЛЬ*, известный в сочетании с «русских земель» как эпитет, характеризующий Ярослава Мудрого. Номинализация с этой же основой звучала в требованиях императора Павла I, выступавшего за продолжение использования термина *собрание* вместо *общество*, ввиду антиправительственной коннотации последнего [Protchenko 1985: 127]. В постсоветские времена под именем *собор* появляются различные самопровозглашенные движения – «патриотические силы»; с принятием Конституции 1993 года *собранием* начинают называть законодательную ветвь власти РФ. Во всех вышеназванных примерах (за исключением требований Павла I) *собор* / *собрание* относятся к правящему классу, и во всех случаях эта пара являет собой единство, подчинённое высшей инстанции, будь то *царь*, *император* или *президент*.

Чтобы выразить релятивность осуществления политической власти, люди создают метафоры, указывающие на участников этих отношений. Качественные компоненты абстракции *соборность* характеризуют класс управляемых, а классу правящих характеристики приписываются сочетанием *царственная особа*. *Особа* значила больше чем её близкий синоним *лицо*; *особой* именовалось *лицо*, имевшее вес, признание в обществе [Slovar' 1959, VIII: 1142-1144]. И снова мы наблюдаем метафорический образ, в котором *особа* стоит в стороне, т.е. является видимой фигурой на фоне однородности собравшейся толпы.

Анализируя период перехода от империи к государственному строю, установившемуся после 1917 года, следует отметить дублирование уже знакомой пары-оппозиции *соборность* / *особа* в ранее не существовавшей форме. Последователи Ленина, пришедшие к власти в 1917 году и считавшие себя марксистами и атеистами, избавились от теологической составляющей *соборности*. Тем не менее, они подчеркивали свою исключительную роль в управлении и отличие от управляемой ими толпы. Дискурс Советского

Союза характеризуется сопоставлением новых понятий: на смену оппозиции *соборность / особа* пришла пара *коллектив / деятель*. Конечно, *коллектив* не выражал того же значения, что *соборность*; новая власть отчаянно пыталась донести, что их форма правления коренным образом отличается от господства их предшественников. Но с точки зрения этимологии новой метафоры, она была абсолютно аналогична прежней. Вся новизна состояла лишь в замене латинского *кон-* (фонетически ассимилированного под влиянием следующего согласного) на его точный славянский эквивалент *с(о)-*, латинской предпрошедшей формы *-lect-* на семантически эквивалентную славянскую основу глагола *-б(о)р-* и замене латинского суффикса прилагательного *-iv*, лишённого флексии и классифицированного носителями современных западноевропейских языков как номинальный суффикс, на такой же суффикс славянского происхождения *-нсть* [Onions 1966: 190-191, 489].

Что касается второй части оппозиции, русское слово *деятель* не выражало изолированность напрямую, но всё же обрело нужное сопутствующее значение в контексте. Визуализация образа *деятеля* достигалась посредством сочетания его с прилагательным *видный*, а коннотативное значение обособленности – с помощью прилагательного *выдающийся*. В силу того, что английский и русский языки принадлежат к языковым семьям, утратившим фонетическую оппозицию между аспирированными и неаспирированными звонкими согласными на протоиндоевропейском этапе развития, слова, означающие совершение действия и деления, стали относиться к одной группе в обоих языках. Русский глагол *делит* происходит от неаспирированной формы, в то время как этимологически несвязанный глагол *делает* произведен от аспирированной формы. То же справедливо применительно и к английскому слову *deal*, семантическое поле которого совпадает с этимологически неродственным *do*. Исходное значение *deal* «часть» было вытеснено аффиксированной формой латинского глагола «divide» (вероятно, повторяющаяся комбинация двух протоиндоевропейских элементов, каждый со значением «отдельный») [Onions 1966: 247, 279-280]. Таким образом, фонетическая организация русского языка привела к тому, что ярко выраженное в понятии *особа* значение обособленности присуще понятию *деятель*, несмотря на отсутствие доказательств в этимологии данного слова; оно и определяется этимологом-лексикографом П.Черных «человек выделяющийся...» [Chernykh 1993, I: 248]. В силу частого употребления в контексте с такими прилагательными, как «*видный, выдающийся*», *деятель* становится фигурой на фоне коллектива. Отглагольное происхождение данного понятия лишь усилило потенциал метафоры контрастом между действительным и страдательным залогом, проявляющимся в оппозиции латинской формы предпрошедшего времени и собственно формы *деятель*. Создан-

ный фонетико-этимологический контраст порождает обособленность между правящими и управляемыми.

Вопрос, является ли этот контраст *соборности и особы*, репродуцированный в более поздней оппозиции *коллектив – деятель*, особенно русскому языку, может быть разрешён через рассмотрение других языков на предмет существования в них аналогичного контрастного метафорического представления недемократических форм политической власти.

Оппозиция *noble-commoner* в английском языке. Исходя из родственных отношений русского и английского языков, имеющих общий источник, можно проследить параллельность построения оппозиций и схожесть признаков, на которых они основываются. С 1100 по 1400 гг. правящая элита в Англии постепенно совершила переход от нормандского французского (французский диалект норманнов, переселившихся в Англию после 1066) к английскому языку. Достоверно известно, что не раньше 1300 года французское слово *noble* вытеснило английское *heitemen* – современное «high men», означавшее вершителей политической власти [Hughes 2000: 110-111]. *Noble* восходит к латинскому *gnobile*, «knowable» – «узнаваемый», а утраченное *g* всё ещё встречается в противоположном по значению слове *ignoble* [Onions 1966: 612]. Современным носителям английского языка безусловно незнаком латинский корень слова *noble*, однако произносится оно практически так же, как и *knowable*, и не требуется полномасштабного исследования, чтобы вскрыть иницирующее действие одного на другое и тем самым показать их связанность в когнитивном процессе. Люди у власти были *узнаваемы*, а те, кем они правили, приобрели наименование *commoners*. Изначально разделение по признаку власти состояло из трёх частей. Крестьяне, составлявшие большинство населения, назывались *villeins* или *rustics* («виллан, крепостной») и «житель деревни» соответственно). Затем, изменив правописание, слово *villain* получило значение «злодей», а *rustic* стало значить «сельский». Функция обозначения социальной категории была утрачена. Третью категорию лиц, не относящихся ни к знати, ни к крепостным, называли коммонерами (от латинского слова, означающего «город»), т.е. коммонеры – жители города. Но, несмотря на это, в семантике современного английского слова *common* продолжает существовать этическая составляющая, выраженная в значении «равноценный, равнозначный». Следовательно, *знать* на фоне равноценных и нераспознаваемых граждан предстаёт как выделяющаяся группа. Со временем, конечно, социальная категория знати *noble* лишилась своей политической значимости среди носителей английского языка. Тем не менее, слово *noble* активно употребляется либо в ретроспективе, указывая на социальную категорию прошлого, либо говоря о некотором современном государстве, где она возможна. А вот коррелят *common people* (*простой народ*) продолжает своё существование.

На раннем этапе развития английского языка субординация между представителями власти, называемыми *heiemen* и подчиненных им *lowe men*, проявляется в визуальной выделенности первых по отношению к последним. Как отмечает Т. Гивон, «в парных антонимичных прилагательных, обозначающих в основном размер, протяженность, высоту, структуру, громкость, яркость, скорость, вес и пр., прилагательное с положительным смыслом передает как значение обладания качеством (т.е. положительный экстремум), так и родовое значение самого качества (т.е. немаркированный член). Это происходит по той причине, что положительный экстремум обладает большей *перцептивной выделенностью*» [Givon 1989: 161] (акцент на первом из них). Визуализации образа метафоры способствует графический и фонетический контраст между однословным *heiemen* и двухсловным *lowe men* с соответствующей интонацией. Обусловленный сменой власти в результате победы 1066 года переход от *heiemen* к *nobles* в точности отображает процесс вытеснения понятия *особа* понятием *деятеля* при смене власти в 1917.

Китайское *Jieji*. Когда к концу XIX века китайские мыслители задумались над политической реформой династии Qing (Цинь), они заимствовали у своих японских предшественников (которые использовали китайские иероглифы типа *kanji* в японской письменности) практику перевода марксистского понятия «социальный класс» традиционно-изображаемого парой иероглифов, транслитерируемой по-латински как *jieji*. В этих иероглифах снова видна фигуρο-фоновая метафора, найденная в парах *особа* – *соборность* и *знать* – *коммонер*. Традиционно, *jieji* означало «чин шёлка» и метонимически ассоциировалось с иерархией китайских правителей, которые получали жалование в виде шёлковой ткани разного качества. С приходом династии Цинь термин вышел из употребления. Как отдельные иероглифы, *jie* значит «ступеньки лестницы» – или шире – «лестница», а *ji* значит «шёлковая ткань», т.е. вообще «ткань».

И графически, и на понятийном уровне *jieji* как метафорическое представление о политической власти выражает зрительный опыт. С одной стороны, лестница и сотканная из нитей ткань имеют одинаковую структуру: обе образованы вертикальными и горизонтальными элементами, пересекающимися под прямым углом. В то же время лестницу можно использовать по назначению лишь при видимых промежутках между её составляющими, их «разделённости». С тканью – всё наоборот: она пригодна, только если нити неразличимы, т.к. плотно прижаты друг к другу, иначе, получилась бы сеть, лишённая свойств ткани. Графически традиционное и современное рукописное написание *jieji* отражают концептуально соотнесённые визуальные символы. Формально, левая сторона китайского иероглифа в большинстве случаев содержит семантическую подсказку, а правая – намёк на

звукое выражение [Unger 1996: 46-47]. Семантическая составляющая *jie* (читается «*фу*» и переводится как «*холм*») часто встречается в словах со значением «*возвышение*» и в семантически близких им. Начальный элемент иероглифа напоминает английскую прописную букву *B* (русская В), крайняя левая вертикаль которой удлинена книзу. Взглянув правее, перед глазами возникает параллелограмм, состоящий из двух продолговатых и трёх коротких штрихов, расположенных под таким углом, что, по крайней мере, западному глазу они напоминают изображение лестницы в перспективе. Смысловая и звуковая составляющие иероглифа *ji* рисуют очертания складок ткани. В рукописном же исполнении *jie* и *ji* изображаются с изогнутыми вертикальными линиями, но горизонтальные штрихи *jie* более отстоят друг от друга и визуально более четкие, чем соответствующие штрихи *ji*. В результате этого, образ *jie* выше, чем образ *ji*. Что примечательно, вышеупомянутое различие отражено даже в транслитерации *pinyin*, т.к. в *jie* на один буквенный знак больше, чем в *ji*. (Благодарю своего студента Банг Жоу за написание этого слова и за исследование его исходного определения в китайских источниках, мне недоступных по причине незнания языка).

При переводе марксистского понятия «социальный класс» как *jieji*, в экстралингвистическом контексте китайский эквивалент приобретает значение, тождественное паре *noble* – *commoner*. Контекст этот практически отсутствовал в Китае даже в конце XIX века. Вместо социальных классов общество все еще традиционно делилось на *shi* («люди образованные») и *simin* («обыватели»). Это противопоставление не учитывало крестьян, составлявших большую часть населения Китая. Кстати, это характерно и для оппозиции *noble* – *commoner*. Соотнесённое с социальным классом *jieji* означало осуществление политической власти маленькой по численности правящей элитой. Так же как в случае с парой *noble* – *commoner*, когда на смену династии Цинь пришла новая авторитарная республика, заново пришедший в обиход термин *jieji* заменил ранее существовавшие различия по высоте между *shang* и *xia* – «теми, кто выше» и «теми, кто ниже» [Judge 1996: 33].

Арабское «*ru^cat-ra^ciyya*». Как отмечает А. Аялон, «до XX века существовало одно арабское выражение, указывающее на политический статус управляемых: *ra^ciyya*, означающее стадо или стаю домашних животных» [Ayalon 1987: 44]. Соответственно, правителей называли *ru^cat*, «пастухами», т.к. в арабоязычном мире под стадом, обычно, имелось в виду стадо овец. Фигура пастуха выделялась на фоне практически неотличимых друг от друга животных. Его вертикальный торс контрастировал с горизонтальными туловищами овец, тем самым, возвышая его. С ослаблением турецкого господства возникла новая метафора, служащая для представления местной власти: *a^cyan*, в переводе «глаза» [Ayalon 1987: 66]. Значение этой метафоры

ры, связанное с понятиями центра и вертикальности, вряд ли нуждается в дальнейших комментариях.

Более ранняя оппозиция типа «пастух-стадо» уходит глубоко корнями в семитскую традицию. Напр., в Псалме 23, автором которого считается царь Давид, написано: «Господь – Пастырь мой, и я ни в чём не буду нуждаться...». Однако контраст вертикального положения правителя и горизонтального положения управляемых имел место задолго до этого. Около 1800 г. до н. э. древний вавилонянин называет приближённого царя *awilum*, «мужчина», а одного из тех, кем правят – *mushkenum* – «тот, кто унижается» [Schloen 2001: 285-286]. Шумерская письменность и в более ранние периоды истории характеризовалась схематическим изображением слова «мужчина» в виде повёрнутой боком верхней части туловища [Kramer 1963: 302], в то время как правители на письме отображались в виде вертикального штандарта: шеста со знаменем или символом наверху и клиновидным основанием. Это основание помещалось в специальном отверстии, обеспечивавшем вертикальное положение [Szarzyńska 1996: 1-15]. По мере того как семитские языки – аккадский, затем арамейский и в конечном итоге арабский – вытесняли шумерский, возникали новые метафоры, каждая из которых моделировалась на основе исходного признака, противопоставляющего отчётливо видимую вертикальную фигуру на фоне лишённых различия горизонтальных.

Метафора в яванском языке (*unggah-ungguh*). В традиционном Яванском обществе короли правили с помощью так называемых *priyayi*. Это заимствованное слово образовалось от санскритского *priya*, «друг»; совпадение с русским *приятель*, вероятно, случайно. Они могли состоять с королём в различной степени родственных отношениях или не иметь с ним родства, но занимать более или менее высокую должность при дворе. Когда встречались двое *priyayi*, им нужно было определить, кто достоин изысканных почестей, зашифрованных в *krama* – эзотерической форме Яванского языка, доступной только детям *priyayi*. Решение зависело от соотношения веса в обществе, обрётённого вследствие близкого родства с королём, и важности занимаемой должности. Сигналом о взаимном умозаключении на этот счёт служил акт невербальной коммуникации, состоящий из жеста, известного как *unggah-ungguh*. Оба вытягивали руки вперёд, поворачивали их ладонями кверху и двигали ими вверх и вниз. Эти действия, интерпретируемые как имитация взвешивания, визуально символизируют взаимное определение социального положения вертикальным положением поднятых ладоней. Это, в свою очередь, помещало *priyayi* в центр внимания и делало их заметными на фоне невидимых *wong cilik*, «маленьких людей», чей низкий социальный статус и образование лишь в рамках примитивной (*ngoko*) или средней (*madya*) форм Яванского языка не позволяли им исполнять

ритуалы почтительности и лишали смысла *unggah-ungguh* [Errington 1985: 4, 27-40].

Язык волоф: «явная замедленность». В основном носители языка волоф живут в Сенегале, но, как водится в постколониальной Африке, распространены они и в соседних государствах, чьи границы были установлены колонизаторами без учёта местного этнического своеобразие. Язык волоф подразделяется на два варианта. Первый из них – *waxu gewel* – существовал до колониальных захватов, но все сохраняется и традиционно ассоциируется с членами правящей касты. *Waxu geer* – вторая разновидность языка волоф, богатая средствами эмоциональной выразительности и метафорическим многообразием, используется обычными гражданами. Частотность употребления *waxu geer* увеличивается по мере уменьшения социального статуса и всецело применяется кастой *griot* для выражения мыслей, произносить которые было бы недостойным для людей, занимающих более влиятельное положение. Несмотря на то, что носители языка волоф соотносят говорящих на *waxu gewel* и *waxu geer* с людьми, обладающими или не обладающими властью, наблюдения показывают, что говорящие, как правило, используют обе разновидности в зависимости от того, наделяют ли их социальное положение или непосредственные нужды правом требовать содействия или заставляют их просить милости у собеседника. Следовательно, превосходя всех по рангу, вождь никогда не пользуется *waxu geer*. Его речь, как и речь других важных особ, отличается «явной медлительностью»: небрежное бормотание, с частыми повторами и грамматическими ошибками. Народ волоф объясняет необходимость властных людей в ограничении себя *waxu gewel* тем, что иной раз весомость слов может подавить людей ниже по статусу [Irvine 1990: 131-145]. Пусть вес – скорее осязаемая метафора, в ней есть и визуальный компонент. Вес имеет значение, поскольку обладающие властью люди могут давить на остальных соотечественников. Таким образом, в концепции языка волоф, и в этом он не отличается от рассмотренных примеров, наблюдается возвышение класса властных людей, а т.к. большему весу человека соответствует больший размер, то более властные люди визуально представляются увеличенными относительно менее властных. Пусть из описания языка волоф, доступного мне, следует, что фигуро-фонная метафора носит имплицитный характер, всё же она концептуализирует политическую власть.

Заключение. Исторический период взаимодействия носителей английского и арабского языков характеризуется то и дело возникающими на протяжении тысячелетия противоречиями. В течение трёх веков с переменным успехом поддерживали мирное сосуществование русские и китайцы, ввиду конфликтов, возникающих на почве расширения России на восток и устремлений Китая на север. Метафорически

возвеличивая себя посредством *noble*, французы завоевали народ Волоф, а голландцы, до сих пор называющие своё правительство *overheid* (то, что выше), подчинили яванцев силой оружия. Хотя эпизоды вражды редки в истории взаимоотношений носителей русского и английского языков, ни события Холодной Войны, ни дальнейшее развитие отношений между независимой Россией и США не позволяют говорить об устойчивом взаимопонимании между странами. Эти разногласия не объясняются культурными различиями в понимании политической власти, поскольку рассматриваемые культурные концепции строятся по одному принципу. Безусловно, на различиях в метафорическом представлении политической власти культура не заканчивается, и ничто из сказанного мною не исключает возможности для какой-либо другой культурной особенности стать причиной конфликта.

Нельзя совсем исключать возможность взаимопроникновения культур, нежели следовать независимой концепции, согласно которой я представил свои наблюдения. Общим источником могла бы быть шумерская письменность. Некоторые учёные считают, что шумерская письменность была привезена в индийский город Хараппа торговцами, проделавшими путь вдоль одной реки и вверх по течению другой, где она либо стала известна захватчикам, привнёсшим индоевропейскую речь, либо подверглась влиянию местных жителей, т.е. была адаптирована или видоизменена ими. Возможно, написание букв и символов, характерное для шумеров, способствовало распространению разделения правящих и управляемых на основе вертикально-горизонтального различия. Поскольку при взаимодействии культур, вполне возможны неточное понимание и, следовательно, всевозможные модификации, то можно предположить, что шумерская система письма, в которой изначально вертикальное изображение туловища преобразовалось в горизонтальное в результате смены столбцового письма на линейное, стала прототипом концепции представлений об обществе в Ведийском языковом сознании. Изобла верховного божества породили священнослужители, правители – из рук, подданные – из живота, и всё это основывалось на труде тех, кто являлся порождением ног божества. Индусские торговцы могли бы выступать в роли распространителей данной концепции и привнести их в яванский язык вместе с пришедшим из санскрита словом *priya*, а буддийские проповедники вполне могли донести идеи о вертикальном представлении власти до Китая, где впоследствии сформировалась оппозиция между «теми, кто выше» и «теми, кто ниже». Переняв определённое понимание власти у китайцев, монголы и татары могли бы принести его на Русь. Греция, тем временем, пришла к переосмыслению политической метафоры, овладев алфавитом, созданным на основе приобретённой ранее слоговой азбуки. Алфавит

дошёл до римлян, но вызывал у носителей германских праязыков, включая говорящих на древнеанглийском, большие трудности в понимании, так что в итоге в рамках политической сферы сложилось представление о взаимодействии «высоких» и «низких» сословий. Также от носителей германских праязыков оно могло бы распространиться на Руси вместе со словом *kniaz'* или, позже, *korol'*. Предки тех людей, известные позднее как народ Волоф, могли не до конца понять всё глубже продвигающихся в Западную Африку арабов и поэтому рассматривать вес как отличительный признак пастуха и стада. Тем более что овец они никогда не видели. Аналогичными ли являются оппозиции, отражённые в языках американских индейцев, мне неясно, т.к. до сих пор мною не найден источник необходимой информации. Не стоит упускать из виду и возможные тихоокеанские связи, хотя при таком подходе значительно снижается степень достоверности гипотезы о происхождении от общего источника.

Вместе с тем гораздо более убедительна гипотеза, которая объясняет частоту визуальной фигури-фоновой метафоры в представлениях политической власти частным внутриязыковым изобретением, основанным на схожести телесных переживаний. Как бы там ни было, восприимчивость к однотипным метафорам (независимо от их происхождения) должна свидетельствовать о способности людей к осмыслению визуального контраста и вертикального возвышения за счёт обращения к своим собственным повседневным, телесным переживаниям.

Наряду с несостоятельностью предположения об обусловленности противоречий между членами различных культурных сообществ в виду кросс-культурного сходства концептов политической власти, характер этих концепций тоже исключает гипотезу об их способности объяснить, почему одни страны вступают на путь демократизации, а другие сохраняют авторитарное устройство. Фигуро-фоновый контраст правителей и управляемых не препятствует демократизации, а наоборот, способствует ей. С приобретением навыков познания и концептуализации политического давления посредством метафорического представления фигуры на фоне носители любого языка приобретают способность легко вообразить, что было бы в отсутствии этого давления. Всё, что для этого нужно, – отнять либо фигуру, либо фон. Так, в поисках независимости от английских сюзеренов американцы составили конституцию, исключив аристократию (*nobility*) и оставив только третье сословие (*commoners*). И хотя многие из авторов этой конституции выступали за сохранение рабства, истребление местных жителей и ограничение влияния населения на политику, потеря одной из составляющих метафорического выражения политического господства постоянно препятствовала достижению их целей. Если рассматривать пару «*деятель – коллектив*» в

политическом дискурсе России последнего десятилетия XX века, бросается в глаза снижение частотности употребления первого понятия и переосмысление второго, которое, в свою очередь, стало использоваться в контексте *трудо-вые коллективы* – рабочая сила предприятий, а благодаря процессу приватизации и вовсе вышло за рамки семантического поля политики. Не вызывает сомнения тот факт, что в метафорически представленном понятии *силовики* воспроизведена «перцептивная выделенность», характерная для парных антонимичных прилагательных, в данном случае обозначающее силу, а сочетание *управляемая демократия* отображает фонетически несвойственную славянским языкам структуру, характерную для традиционной России. Эти примеры являют собой лишь отдаленные отголоски прошлых метафор, связанных с недемократическим правлением, они предвещают столь же медленное движение с множеством провалов и неудач, свойственных процессу развития любого демократического государства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ayalon A. Language and Change in the Arab Middle East: The Evolution of Modern Political Discourse. New York, 1987.
- Chernykh P. Istoriko-etimologicheskii slovar' sovremennoego russkogo iazyka. Moskva: Russkii iazyk, 1993. Vols. I, II.
- Errington J.J. Language and Social Change in Java: Linguistic Reflexes of Modernization in a Traditional Royal Polity. Athens, Ohio: Ohio University, Center for International Studies, 1985.
- Givon T. Mind, Code, and Context: Essays in Pragmatics. Hillsdale, N.J.: Lawrence Erlbaum Associates, 1989.
- Hughes G. A History of English Words. Oxford: UK, Blackwell, 2000
- Irvine J.T. Registering Affect: Heteroglossia in the Linguistic Expression of Emotion // Language and the Politics of Emotion / Catherine A. Lutz and Lila Abu-Lughod (eds.). Cambridge, 1990.
- Judge J. Print and Politics: "Shibao" and the Culture of Reform in Late Qing China. Stanford, 1996.
- Kramer S. N. The Sumerians: Their History, Culture, and Character Chicago: Chicago, 1963.
- Onions C.T. (ed.) The Oxford Dictionary of English Etymology. New York: Oxford, 1966.
- Prokhanov A. A ty gotov postoiat' za Rossiiu? // Den', 1992, 25-31 Oct.
- Protchenko I. Leksika i slovoobrazovanie russkogo iazyka sovetskoi epokhi: sotsiolingvisticheskii aspekt / 2nd expanded edition. Moskva, 1985.
- Raeff M. La Noblesse et le discours politique sous le regne de Pierre le Grand // Cahiers du Monde Russe et Sovietique. 1993. Vol. 34 (1-2). P. 33-46.
- Schloen J.D. The House of the Father as Fact and Symbol: Patrimonialism in Ugarit and the Ancient Near East. Winona Lake, Ind.: Eisenbrauns, 2001.
- Sergeyev V., Biryukov N. Russia's Road to Democracy: Parliament, Communism, and Traditional Culture. Brookfield, Vt.: E. Elgar, 1993.
- Slovar' sovremennoego russkogo literaturnogo iazyka. Moskva-Leningrad: Akademiia Nauk SSSR, 1959.
- Strang B. A History of English. London, 1970.
- Szarzyńska K. Archaic Sumerian Standards // Journal of Cuneiform Studies. 1996. Vol. 48. P. 1-15.
- Unger J.M. Literacy and Script Reform in Occupation Japan. New York: Oxford, 1966.
- Wieczynskii J.L. (ed.) The Modern Encyclopedia of Russian and Soviet History. Gulf Breeze, Fla., 1976/1980.
- Ziuganov G.A. Vernost'. Moskva: Molodaia gvardiia, 2003.
- © Ричард Д. Андерсон, 2007
© Белов Е.С. (перевод), 2007

Бантышева Л. Л.
Симферополь, Россия
ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ
ЛЕКСИКА НАЧАЛА XX ВЕКА:
ТРАДИЦИИ ИЗУЧЕНИЯ

Abstract

The author describes a variety of scientific traditions and methods that are applied to the study of the vocabulary used in social political discourse in the beginning of the XX century. The author proves the importance of the first period that influenced the formation and further development of sociopolitical vocabulary. Another aim is to analyze the semantic structure of such lexemes and its representation in dictionaries issued before 1917.

Исследование общественно-политической лексики представляет большой лингвистический интерес. В связи с возросшей ролью к исследованию политической коммуникации, к анализу закономерностей коммуникативной деятельности, в настоящее время возрастает внимание к изучению политической лексики. Несмотря на большое количество трудов, разнообразие тематик и областей исследования общественно-политической лексики, ряд задач остается нерешенным. Так, установление временных рамок развития политического словаря, определение тематических границ, а также лексикографическое представление вербального политического пространства нуждаются в дальнейших разработках.

Как известно, лексический ярус является наиболее чувствительным к изменениям в языке. При этом процесс трансформации лексического пространства почти непрерывен, в чем и заключается связь языковой системы с другими сферами общественной жизни (политической, социально-экономической, государственной). Совершенно очевидно: чем интенсивнее изменения лексики на каждом этапе ее развития. Именно в сфере политической лексики наблюдаются существенные изменения, обусловленные общественно-политическими процессами.

Цель и задачи статьи: 1. Определить значимость первого этапа (1917 – нач. 1950-х гг.) в становлении и развитии общественно-политической лексики и его влияние на эволюцию политического словаря. 2. Провести семантический анализ толкования лексических единиц политического содержания в лексикографических изданиях дореволюционного периода.

Исторический подход к изучению фактов политической сферы языка позволяет определить традиционную периодизацию изучения общественно-политической лексики.

На первом этапе 1920-1930-х гг. было характерно исследование изменений в лексической и в стилистической системах языка послереволюционного времени (А.Баранников, Г.О.Винокур, С.И.Карцевский, Е.Д.Поливанов, А.М.Селищев, П.Я.Черных, Р.О.Якобсон). Кроме того, в исследовании общественно-политической лексики послереволюционного (советского) периода рассматривалась преемственность в развитии лексики дореволюционного и послереволюци-